

Г. А. КЛИМОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКОВ АКТИВНОГО СТРОЯ

Сравнительно-типологические штудии последних десятилетий, вовлекшие в орбиту рассмотрения большой языковой материал содержательного плана, делают все более очевидной необходимость вычленения так называемой «контенсивной» типологии как особого направления исследований. Среди более или менее определившихся понятий последней можно назвать понятия номинативного и эргативного строя, специфическими глубинными структурами которых обуславливается характерный структурный облик их реальных представителей. В настоящее время существует возможность сопоставить обеим названным целостным системам третью — активный строй.

Под понятие активного строя в данной статье подводится широкая совокупность разноуровневых (лексических, синтаксических и морфологических) структурных коррелятов языков, по-видимому, являющихся типологическими предшественниками языков выдержанного эргативного строя. При этом самый термин «активный строй» условен и не должен вводить в заблуждение¹: он образован от названия встречающейся в некоторых из языков этого типа особой падежной единицы — активного падежа (ср. аналогичное соотношение терминов «эргативный строй» и «эргативный падеж», «номинативный строй» и «номинатив»). К обнаружению некоторых важнейших структурных черт активного строя привело сравнительно-историческое исследование индоевропейских, семито-хамитских языков² (впрочем постулируемое обеими дисциплинами древнейшее состояние обычно не вполне адекватно интерпретируется как эргативное), а отчасти, по-видимому, и тюркских³. В то же время отдельные структурные признаки этого строя теоретически постулированы в ряде работ С. Д. Кацнельсона, поставившего перед собой задачу типологической реконструкции архаической эргативности на основе свидетельств актуальной эргативности современных языков эргативного строя⁴.

Однако представители более или менее выдержанного активного строя налицо на лингвистической карте мира и в настоящее время, самим фактом своего существования типологически подтверждая вероятность упомяну-

¹ Иной смысл вкладывался И. И. Мещаниновым в термины «активность», «активная стадия»; см., например: И. И. Мещанинов, Новое учение о языке. Стадиальная типология, Л., 1936, стр. 329—335.

² См., например: Вяч. Вс. Иванов. Эргативная конструкция в общиндоевропейском, «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (Тезисы докладов)», Л., 1964, стр. 17—21; И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 249—252.

³ См.: Э. В. Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1962, стр. 94—96. По свидетельству Б. А. Серебrenникова, в тюркских языках могут быть прослежены и некоторые другие пережитки активного строя, помимо отмеченных в указ. соч.

⁴ См.: С. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, М.—Л., 1936, стр. 103; е го же, Эргативная конструкция и эргативное предложение, ИАН ОЛЯ, 1947, 1; е го же, К происхождению эргативной конструкции, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967.

тых реконструкций. Эти языки, по-видимому, наиболее широко распространены в Северной Америке, где они составляют сепиловскую «большую семью» на-дене (хайда, тлингит, эяк, атапаскские), а также группу сиу (дакота, ассинибоин, понка, тутело) и галф (мускоги, или крик, хичити, коасати, чоктав). Первые из них представлены сплошным ареалом в северо-западной части Канады и смежной зоне США (Аляска), а также отдельными энклавами на тихоокеанском побережье США и в южных отрогах Скалистых гор, вторые — в центральном регионе США, третьи — на юге и юго-востоке США. Как известно, именно к материалу одного из них — языка дакота — еще в самом начале текущего столетия привело К. Уленбека исследование проблемы генезиса эргативной конструкции предложения⁵. Языки активного строя засвидетельствованы и в Южной Америке, где к ним, в частности, относится ряд представителей семьи тупи-гуарани (тупи, гуарани, сирионо, камаюра и др.)⁶.

Относительная немногочисленность этих языков, круг которых, впрочем, вероятно, удастся расширить в будущем, равно как и недостаточная адекватность ряда имеющихся их описаний (последнее обстоятельство особенно касается ранних исследований И. Вениаминова и Р. де ля Грас-сери по языкам тлингит и хайда, выдержанных в терминах описания номинативной структуры), в настоящее время не позволяют дать исчерпывающую характеристику активного строя. Однако, несмотря на то, что понятие последнего, несомненно, будет в дальнейшем уточнено, его яркое структурное своеобразие, равно как и интересные точки соприкосновения с эргативным строем, представляются довольно очевидными уже теперь.

Широкая совокупность разноуровневых коррелятов, определяющая характерный облик языков активного строя, может быть представлена как весьма последовательная реализация лежащей в ее основе некоторой глубинной структуры. Конкретная специфика этого большого комплекса языковых явлений дает основания предполагать, что семантической детерминантой активного строя является противопоставление не субъектного и объектного начал (как это имеет место в языках эргативного и, по-видимому, номинативного строя), а активного и инактивного. В соответствии с этим структура названных языков специально ориентирована на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь лишь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами (используемое понятие актанта сближается с тем, как оно было сформулировано Л. Теньером).

Прежде всего бросается в глаза целый ряд интересных преломлений названной семантической детерминанты на уровне лексики, которые обуславливают ряд синтаксических и морфологических особенностей языков активного строя.

Одной из наиболее важных лексических импликаций этого строя является наличие здесь бинарного разбиения имен существительных на активные, с одной стороны, и инактивные, с другой, которое основано на противопоставлении соответствующих им денотатов по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности. Так, к активному классу в атапаском языке навахо относятся имена людей, животных, деревьев

⁵ См.: К. К. У л е н б е к, Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950.

⁶ Ср.: P. A. Guash, *El idioma Guaraní*, Asuncion, 1956, стр. 113—120; A. Fernandes, *Gramática Tupi*, 2a ed., Rio de Janeiro, 1960, стр. 144, 146—150, 220; Л. С. Феррейра, Описание языка камаюра (дипломная работа, машинопись, Ун-т им. П. Лумумбы, 1970).

и растений, например: *diné* «человек», *xastin* «мужчина», *'ád* «самка», *djádi* «антилопа», *mǫ'í* «койот», *mósi* «кошка», *xos* «колючник, кактус»; напротив, к инактивному классу отнесены названия всего остального мира предметов и явлений, например: *tó* «вода», *yas* «снег», *k'os* «облако», *noxoká* «земля», *tsé* «камень», *tsin* «палка», *síl* «пар», *-god* «колени». Поэтому преобладающее в специальной литературе терминологическое разграничение обеих групп как «одушевленной» (animate) и «неодушевленной» (inanimate) в целом довольно четко отражает логические основания данной классификации. Это лексическое противопоставление, не выраженное в структуре самих имен, как будет показано ниже, отчетливо дает себя являть в самых различных звеньях языковой структуры (например, в явлении глагольной дублетности, в категории притяжательности, категории числа и т. д.). Необходимо при этом иметь в виду, что нередко внутри имен инактивного класса встречаются дальнейшие, более частные подразделения⁷.

Второй важнейшей лексической импликацией активного строя следует считать принцип лексического противопоставления глаголов не по переходности — непереходности передаваемого действия, что имеет место в языках эргативного строя, а по признаку его активности — инактивности. В соответствии с этим вместо оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов здесь представлена оппозиция активных и стативных. Активные глаголы, или так называемые «глаголы действия», передают различные действия, движения, события (например: «жечь/гореть», «сушить/сохнуть», «класть/ложиться», «сажать/садиться», «ставить/вставлять», «вести/идти» и т. п.). Напротив, контрастирующие с ними стативные глаголы, или «глаголы состояния», обозначают то или иное состояние или качество (например: «стоять», «сидеть», «лежать», «быть высоким, длинным», «быть тяжелым», «быть красным», «быть приятным» и т. п.)⁸. Такой принцип лексического противопоставления глаголов в свою очередь определяет их глубокое различие как по синтаксическим потенциям, так и в отношении морфологической структуры (см. ниже стр. 6—8). Поэтому не приходится удивляться тому обстоятельству, что Э. Сепир считал эту дихотомию одной из основных структурных характеристик языков на-дене и сиу⁹. Вместе с тем, она служит фактическим подтверждением точки зрения о том, «что переходность и непереходность в их взаимопротивопоставленности являются категориями историческими и что роль и значение их как в лексико-семантической, так и в грамматической системе того или иного языка не могут рассматриваться как изначально данные и стабильные»¹⁰. Третьей лексической группой глаголов, выделяемой в языках активного строя, является группа аффективных глаголов, которые передают действия, испытываемые актантом («видеть», «слышать», «любить», «засыпать» и т. п.) и которые невозможно без оговорок однозначно квалифицировать в качестве активных или инактивных (ср. в основном трехчленную классификацию глагольных лексем — глаголы действия, состоя-

⁷ См. об этом: J. R. S w a n t o n, Haida, «Handbook of American Indian languages» (ed. F. Boas), pt. I, Washington, 1911, стр. 216; H. H o i j e r, Cultural implications of some Navaho linguistic categories, «Language», 27, 2, 1951; N. B. L e v i n, The Assiniboin language, IJAL, 30, 3, pt. II, 1964, стр. 16—18.

⁸ См. об этом, например: E. S a p i r, H. H o i j e r, Phonology and morphology of the Navaho language, «University of California publications in linguistics», 29, Berkeley—Los Angeles, 1963, стр. 93—96.

⁹ См.: E. S a p i r, Central and North American languages, «Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality» (ed. by D. Mandelbaum), Berkeley—Los Angeles, 1958, стр. 175.

¹⁰ А. В. Д е с н и ц к а я. Из истории развития категории глагольной переходности, сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», [Л.], 1951, стр. 143.

ния и *verba sentiendi*, соположавшуюся с определенным строем языка в историко-типологических исследованиях ряда отечественных авторов¹¹).

Третьей весьма характерной чертой лексики языков активного строя является наличие в них глагольных дублетов, имеющих разграниченные сферы употребления: если один из пары семантически тождественных глаголов сочетается исключительно с именами активного класса, то другой встречается только с именами инактивного. Ср., например, в языке навахо: *tí* «быть (о людях, животных)» ~ *tēl* «быть (о предметах)», *tíʼ* «лежать (о людях, животных)» ~ *-ʼá* «лежать (о предметах)», *-hááh*, *-ya* «двигаться (о людях, животных)» ~ *-kèès* «двигаться (о предметах)». В языке навахо особо выделяется даже класс «глаголов одушевленного движения» (*verbs of animated motion*), противопоставляющийся классу глаголов, обозначающих движение различных предметов¹².

Названной выше семантической детерминантой активного строя обусловлен и ряд более частных его лексических особенностей. Среди них следует отметить отсутствие глагольных лексем, передающих типичные субъектно-объектные отношения, в частности, глаголов обладания. Можно констатировать и ряд лексических фреквенталий (термин Б. А. Серебренникова) активного строя, т. е. фактов, которые, хотя и не обязательны для последнего, именно для него оказываются наиболее характерными. Среди них широко распространенная в языках этого строя лексемная оппозиция инклюзивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица мн. числа: ср. *hapišnu* «мы с тобой/с вами», и *pišnu* «мы без тебя/без вас» в языке чоктав, *ñande* «мы с тобой/с вами» и *ore* «мы без тебя/без вас» в языке гуарани (не исключено, что данное разграничение основано на «активном» в одном случае и «инактивном» в другом представлении адресата речи по отношению к описываемой ситуации).

В сфере синтаксиса семантическая детерминанта активного строя прежде всего отражается в специфической типологии предложения, характеризующейся оппозицией двух основных моделей предложения — активной и инактивной. Первая из них организуется активными глаголами, вторая — стативными. Вместе с тем действующий здесь принцип лексического противопоставления глаголов обуславливает неразличение в инвентаре членов предложения прямого и косвенного дополнений. Если учесть отмеченные обстоятельства, равно как и специфическую морфологию глагольного и именных компонентов активной и инактивной конструкций предложения, то становится очевидным, что эти конструкции следует рассматривать не как некоторые разновидности эргативной и абсолютной, а в качестве совершенно самостоятельных. Синтаксическую специфику обнаруживает и аффективная конструкция предложения, обуславливаемая аффективными глаголами. Наконец, в соответствии с семантической детерминантой этого строя здесь отсутствует посессивная конструкция предложения.

Синтаксические взаимоотношения членов предложения определяются всецело доминирующей позицией глагольного сказуемого, в то время как именные члены играют по преимуществу роль конкретизирующих оппозиций к соответствующим аффиксам сказуемого. Максимально тесное внутреннее единство обнаруживает при этом комплетивная синтагма, о чем свидетельствует, в частности, постоянное приглагольное положение дополнения. Остается неясным, однако, встречаются ли здесь случаи инкорпора-

¹¹ См.: С. Быховская, Объективный строй *verba sentiendi*, «Язык и мышление», VI—VII, М. — Л., 1936, стр. 21; а также: И. И. Мещанинов, Общее языкознание. К проблеме стадийности в развитии слова и предложения, Л., 1940, стр. 188.

¹² См.: G. A. Reichardt, Navaho grammar, «Publications of the American ethnological society», XXI, New York, 1951, стр. 352—357.

тивной связи последнего со сказуемым (если, по мнению Э. Сепира, в языках сиу и атапаскских они неизвестны¹³, то некоторые современные исследователи последних отмечают здесь факты «включения» имен).

Словопорядок в предложении может быть отражен схемой $S - O^1 - O^2 - V$ (где O^1 обозначает член предложения, квалифицируемый в рамках эргативного строя как косвенное дополнение) для активной конструкции и схемой $S - O^1 - V$ для инактивной и аффективной¹⁴. Ср. *wararuwijawa tōja o-u'i* «собака змею укусила», *jawara o-ə'i* «ягуар пьет», *tapira i-rowəj* «тапир тяжел» (язык камаюра)¹⁵. Этот порядок, может, однако, изменяться в соответствии с возможной вариацией темы сообщения.

Глагол и имя в языках активного строя взаимно дифференцированы, хотя и обнаруживают следы синкретического состояния в прошлом. В противоположность слабо развитой именной, глагольная морфология обычно представлена очень богато. По проблеме взаимоотношения здесь глагола и имени в американистике конкурируют две противоположные точки зрения: если такие авторы, как Э. Сепир и Г. Хойер склоняются к мысли, что первичной формой является имя, а глагол от него произведен, то другие придерживаются обратного мнения. Думается, однако, что скорее ближе к истине взгляд ряда отечественных исследователей проблемы эргативности, еще в 30-е годы пришедших к выводу о слабой взаимной дифференцированности глагола и имени на предшествовавшем эргативному строю этапе развития языка¹⁶. Действительно, тесная связь имени и глагола, особенно — стативного, находит выражение в том факте, что они обслуживаются в значительной степени этимологически общими морфологическими средствами: ср., например, материальное тождество личных аффиксов имени и глагола, а также их «аспектных» окончаний (ср. *ta-ra* «моя голова» при *ta-kaška* «меня он связывает» в языке дакота, а также форму *xonta-neen* «развалины дома» в атапаскском языке хупа, суффикс *-neen* которой в составе глагольных словоформ обозначает совершенный аспект¹⁷).

Глагольная словоформа обнаруживает в активных языках тенденцию к отражению в своем составе всех элементов предложения. Поэтому морфологическая структура глагола здесь нередко характеризуется полисинтетизмом. Помимо морфологических категорий лица, числа, версии, аспекта (точнее — способа действия), а также особых классифицирующих аффиксов, широкое распространение здесь имеют различные аффиксы адвербиальной или инструментальной семантики, а иногда встречаются и тематические суффиксы. Например, в форме *i-q!A-xa-wū-slīn* «я тебя спросил» на языке тлингит *i-* — инактивный аффикс 2-го лица, *q!A-* — так называемый «именной» префикс инструментальной функции (буквально: «рот»), *xa-* — активный аффикс 1-го лица, *wū-* — показатель аспекта, *-slīn* — корневая морфема «спрашивать». Обращает на себя внимание тот факт, что глагол в активных языках, по-видимому, не зная категорий

¹³ См.: E. Sapir. The problem of noun incorporation in American languages, «American anthropologist», 13, 2, 1911, стр. 281—282.

¹⁴ Ср.: F. G. Speck, Some comparative traits of the Maskogian languages, «American anthropologist», 9, 3, 1907, стр. 475; G. A. Reichardt, Navaho grammar, стр. 293—294.

¹⁵ См.: Л. С. Феррейра, указ. соч., стр. 19, 26, 52.

¹⁶ Ср.: А. А. Бокарев, О «пассивном» характере аварского переходного глагола, 1934 (рукопись), стр. 41—42; С. Д. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, стр. 76.

¹⁷ Ср.: P. E. Goddard, Athapaskan (Hupa), «Handbook of American Indian languages», pt. I, Washington, 1911, стр. 105; G. A. Reichardt, Navaho grammar, стр. 45—55; E. Sapir, H. Hoijer, указ. соч., стр. 49.

времени, широко варьирует по аспектам, конкретизирующим действие с точки зрения способов его протекания¹⁸. При этом очевидно господство префиксального строя: так, в глагольной словоформе языка хупа при семи префиксальных позициях морфем имеется всего лишь две суффиксальных, в языке навахо число префиксальных позиций в глаголе достигает девяти, в языке догриб — тринадцати¹⁹.

Активные и стативные глаголы резко отличны друг от друга как по степени своего парадигматического варьирования, так и по морфологической структуре. Активные глаголы имеют всегда значительно большее число парадигм спряжения, чем стативные. Вместе с тем, если корень стативного глагола почти во всех случаях представлен единственной морфой, то корень активного, напротив, как правило, реализуется несколькими морфами: ср. в языке навахо *-tèèl* «быть широким», *-nèèz* «быть высоким, длинным», *-gàì* «быть белым» при *-zèés*, *-zèèz*, *-zìš* «опалать (местами)», *-t-ye*, *-yí*, *-yéèì*, *-yééh* «убивать одного (о человеке)», *-bááh*, *-bààʔ*, *-bàh* «производить набег», *-nééh*, *-nàʔ*, *-nàh* «сползать»²⁰. Существует, однако, возможность преобразования ряда стативных глаголов в активные.

Поскольку в языках активного строя нет противопоставления транзитивных и интранзитивных глаголов, постольку здесь отсутствует и такая специфичная морфологическая категория транзитивного глагола, как категория залога. Вследствие этого в структуре активного глагола оказывается принципиально невозможным формально отразить точку зрения только какого-либо одного из двух возможных актантов ситуации. В то же время регулярно выдерживаемая диатеза активного глагола, как можно судить по семантике противопоставляемых при ее помощи форм («жжет» ~ «горит», «несет» ~ «идет», «кусает» ~ «кусаются», «сушит» ~ «сохнет» и т. п.), не носит залогового характера и скорее передает оппозицию так называемых «центробежных» и «центростремительных» форм, с которой может быть сопоставлена оппозиция актива и медиума в протоиндоевропейском состоянии²¹. Ввиду сказанного известную гипотезу К. Уленбека о пассивном характере активного глагола в североамериканских языках приходится признать неадекватной.

Одной из основных морфологических импликаций активного строя является морфологическая категория класса, функционирующая в структуре синтаксически связанных с именами существительными слов.

В глагольной морфологии активных языков соответственно различаются два ряда личных аффиксов — активный и инактивный, соотносящихся с именными членами предложения, передающими активного и инактивного актантов ситуации. Это значит, что спряжение имеет здесь «смешанный» классно-личный характер. В некоторых случаях, например в языках галб, к двум названным рядам присоединяется третий, выражающий актант аффективного действия. В морфологической структуре активного глагола, в котором обязательно наличие показателя активного

¹⁸ Ср.: H. J. Pinnow, *Morphologische Studie zur Verbstammvariation im Tlingit*, «Orbis», XVII, 2, 1968, стр. 512—515.

¹⁹ См.: P. E. Goddard, *Athapaskan (Hupa)*, стр. 112—125; E. Sapir, H. Hoijer, указ. соч., стр. 85; W. Davidson, *A preliminary analysis of active verbs in Dogrib*, «Studies in the Athapaskan languages» («University of California publications in linguistics», 29), Berkeley — Los Angeles, 1963, стр. 49.

²⁰ См.: H. Hoijer, *The Apachean verb*, IJAL, 11—1945, стр. 193—203; 12—1946, стр. 1—13 и 51—59; 14—1948, стр. 247—259; 15—1949, стр. 12—22; G. A. Reichardt, *The character of the Navaho verb stem*, «Word», 5, 1, 1949, стр. 55—76; E. Sapir, H. Hoijer, указ. соч., стр. 85—103.

²¹ Ср.: Н. Ф. Яковлев, *Грамматика адыгейского литературного языка*, М.—Л., 1941, стр. 39—42; М. М. Гухман, *Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков*, М., 1964, стр. 264—267.

ряда, нередко бывают представлены аффиксы обоих рядов, вследствие чего соответствующая словоформа оказывается двухличной (при этом необходимо учитывать, что формант 3-го лица часто передается нулевым аффиксом и что иногда встречаются так называемые «слитные» формы личных показателей типа префикса *ġi-* «я + тебя» в языке дакота). В то же время в морфологической структуре стативного глагола возможны лишь личные аффиксы инактивного ряда, хотя встречаются и его неличные формы. Функционирование и тех и других показателей может быть продемонстрировано на следующих примерах из языка дакота: *wa-kaška* «я (его) связываю», *ja-kaška* «ты (его) связываешь», *ta-ja-kaška* «меня ты связываешь», *ta-kaška* «меня (он) связывает», *ni-čaška* «тебя он связывает», *ta-wašte* «я хорош», *ni-wašte* «ты хорош» (*wa-* и *ja-* — аффиксы 1 и 2-го лиц активного ряда, *ta-* и *ni-* — аффиксы тех же лиц инактивного ряда)²².

Ввиду того, что в именной морфологии языков активного строя категория числа встречается очень редко, соответствующее содержание, как правило, передается в составе синтаксически связанной с именем глагольной словоформы. Именно на этом структурном основании в глаголе здесь представлены специфические аффиксы «массовости действия» (термин П. Я. Скорика²³), которые компенсируют отсутствие формы плуралиса у подлежащего при стативных глаголах и семантически медиальных активных глаголах, а также у дополнения — при остальных активных глаголах (ср. в языке дакота *uⁿ-kaška* «мы его связываем» при *wič-uⁿ-kaška* «мы их связываем»). Историческому затемнению подобной аффиксации обязан нередко встречающийся в рассматриваемых языках функционально аналогичный супплетивизм глагольных корней. Описывая это явление в близкородственных языках галф, Ф. Спек отмечал: «В некоторых случаях изменения, вызванные ориентацией на число, распространяются только до факта включения дополнительных суффиксов в глагольную основу. Однако имеется обширная категория глаголов, основы которых, соотносящиеся с единственным и множественным числом субъекта и объекта, столь глубоко различны, что представляются этимологически несвязанными... Некоторые глаголы, сочетающиеся с субъектом единственного, двойственного и множественного чисел, в языке крик (т. е. мускоги. — Г. К.) совершенно различны. С другой стороны, воздействие объекта во множественном числе на предикат, вероятно, большее, чем в предшествующем случае. В значительном числе примеров при множественном числе объекта требуется совершенно иной по сравнению с употребляющимся при его единственном числе глагол...

<i>isis</i>	„он берет“ (ед. ч.)	<i>tčəwis</i> ²⁴	(мн. ч.)
<i>ilidjis</i>	„он убивает“ —»—	<i>pā'cadis</i>	—»—
<i>litkis</i>	„он бежит“ —»—	<i>bi'átkis</i>	—»— ²⁴ .

Такова же роль аналогичных глагольных суффиксов и супплетивизма основ в языках на-дене. Ср., например, варьирующие в отношении числа глагольные дублиеты *qa ~ is*, *isdal* «идти», *q!ao ~ L!ū* «сидеть», *ḡit ~ na*

²² См.: Х. К. У л е н б е к, указ. соч., стр. 84—90; F. B o a s, J. R. S w a n t o n, Siouan (Dakota). Teton and Santee dialects with remarks on the Ponca and Winnebago, «Handbook of American Indian languages», pt. I, стр. 908—931.

²³ См.: П. Я. С к о р и к, Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», стр. 232.

²⁴ F. G. S p e c k, Some comparative traits of the Maskogean languages, стр. 478—479.

(*igal*) «летать», *tia* ~ *L'ida* «убивать» в языке хайда, а также глагольную пару *gu* ~ *at* «идти» в языке тлингит²⁵. Из числа атапаскских можно привести такие супплетивные формы, как: *-gál* ~ *-kah* «идти», *dāt* ~ *tq* «сидеть», *-lyot* ~ *-džah* «бежать», *-tsat* ~ *-nét* «умирать» и т. п.²⁶.

Заслуживает при этом внимания факт совпадения по разным языкам активного строя семантической сферы подобных дублетов. Сюда относятся преимущественно глаголы с семантикой: «идти», «лететь», «бежать», «бродить», «падать», «прыгать», «плыть», «оставаться», «сидеть», «лежать», «стоять», «убивать», «бросать», «класть», «ставить», «вести», «брать». Из данного краткого перечня видно, что такого рода супплетивизм знают как активные, так и стативные глаголы. Как известно, этот супплетивизм послужил одной из причин серьезных трудностей, возникших при попытке перевода опытного списка М. Сводеша на язык навахо в целях лексико-статистического анализа²⁷.

Именная морфология рассматриваемых североамериканских языков развита слабо. Чрезвычайно бедно здесь представлена, в частности, категория числа, которая характеризует лишь узкие группы существительных. Например, в языке хупа изменение по числу знают всего несколько субстантивов, обозначающих человека: ср. *keLtsan* «девушка» ~ *keLtsun*, *tsūmmesLón* «женщина» ~ *tsūmmesLon*, *xūxai* «ребенок» ~ *xūxaix* и некоторые другие²⁸. Обычно наблюдающаяся по этим языкам нерегулярность образования форм плюралиса также свидетельствует о том, что имя здесь в принципе нейтрально по отношению к передаче идеи числа.

Почти совершенно отсутствует в языках активного строя категория падежа. В очень немногочисленных из них, знающих элементарную парадигму склонения бинарного типа (она встречается почти исключительно у местоимений), существует оппозиция маркированного в плане выражения активного падежа немаркированному инактивному. Ср., например, в языке дакота противопоставление *mi-š* «я» (активн. падеж) ~ *mi* «я» (инактивн. падеж), *i-š* «он» (активн. падеж) ~ *i* «он» (инактивн. падеж). В языках галф, по-видимому, встречается противопоставление активного (общекосвенного?) падежа на *-i* инактивному на *-n* < *-θ*²⁹. Функция активного падежа состоит в оформлении подлежащего при активном глаголе-сказуемом, функция инактивного — в оформлении дополнения при последнем, а также подлежащего при стативном глаголе-сказуемом. Следует отметить, что несмотря на довольно очевидное функциональное различие, имеющееся между активным падежом рассматриваемых языков и эргативом языков эргативного строя, обе «разновидности» *casus energeticus*

²⁵ См.: J. R. Swanton, Haida, «Handbook of American Indian languages» pt. I, стр. 276; ег о же, Tlingit, там же, стр. 197. Довольно близко к разгадке происхождения такого супплетивизма подходит М. Сводеш, когда при сопоставлении глаголов *we'ič* «спать» и *hū'ič* «спать (о многих)» в языке нутка реконструирует последний глагол в виде **hu-we'ič* и, исходя из других подобных случаев, приходит к выводу, что элемент *hu-* здесь некогда значил «several individuals together» (см.: M. Swadesh, A structural trend in Nootka, «Word», 4, 2, 1948, стр. 117).

²⁶ См. также: X. Р. Уленбек, указ. соч., стр. 77—80; G. A. Reichardt, Character of Navaho verb stem, стр. 66—68; H. Hoijer, Semantic patterns of the Navaho language, «Sprache — Schlüssel zur Welt. Festschrift für L. Weisgerber», Düsseldorf, 1959, стр. 369—370.

²⁷ См.: Г. Хойер, Лексикостатистика (критический разбор), «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 99—100.

²⁸ См.: P. E. Goddard, указ. соч., стр. 109; J. R. Swanton, Tlingit, стр. 169. Ср. также: F. Boas, Introduction, «Handbook of American Indian languages», pt. I, стр. 37.

²⁹ См.: F. G. Speck, Some comparative traits of the Maskogean languages, стр. 481.

были отграничены друг от друга К. Уленбеком лишь в 1930 г.³⁰ (по-видимому, несколько ранее это было сделано Э. Сепиром³¹).

Вместе с тем, имена здесь, как правило, сочетаются с послелогами локативной семантики, обозначающими положение предмета в пространстве или направление его движения.

Очень характерным для именной морфологии рассматриваемых языков является противопоставление притяжательных форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности. Соответствующие отношения имен передаются здесь не падежным оформлением, а посредством словосочетания модели «человек его-рука», в которой компонент «его» реализуется притяжательным аффиксом, согласующимся определяемое с его определением по лицу и классу³². При этом особенностью активного строя является то, что формы органической принадлежности [которые присущи здесь трем группам субстантивов: а) названиям частей тела человека и животного, а также частей растения, б) номенклатуре родства, в) обозначениям таких тесно связанных с человеком и животным реалий и понятий, как «имя», «следы (ног)», «сон», «еда», «трубка (курительная)», «стрела», «дом (туземный)», «гнездо» и некоторые другие] представлены по языкам аффиксами, тождественными с глагольными личными аффиксами инактивного ряда. В то же время формы неорганической принадлежности, которые имеются у всех остальных имен, передаются либо сложным образованием, состоящим из формы органической принадлежности и дополнительного аффикса [ср. *mi-taⁿtcaⁿ* «мое тело», *ni-siha* «твоя нога», однако *mi-ta-koda* «мой друг», *ni-ta-cuⁿke* «твоя лошадь» в языке дакота, или *bi-tsii* «его (собственная) голова», но *bi-'i-tsii* «его (например, предназначенная ему для еды) голова» в атапаскском языке чирикахуа], либо особым рядом аффиксов, совпадающим с глагольными личными показателями афферентивного ряда (таково, в частности, положение в языках галф)³³. Логическая связь этого явления с активным строем видна не только из того факта, что форму органической принадлежности принимают лишь существительные, соотносящиеся с именами активного класса. Исследователями неоднократно подчеркивалось и то обстоятельство, что обе формы притяжательной флексии противопоставлены не по характеру обладания, а как «идентифицирующая» — «неидентифицирующей», точнее тем, передает она отношения части и целого или нет. Например, согласно К. Уленбеку, «...такая форма, как *mičaⁿ te* (язык дакота. — Г. К.) означает собственно не „мое сердце“, как в наших цивилизованных языках, но идентичность меня самого и какого-то сердца, с которым я, а не кто-либо иной, нахожусь в теснейшей связи. Точно так же и инклюзивное *uⁿ-čiča* означает не столько „ребенок нас обоих“, сколько „ребенок, которым мы оба являемся“»³⁴. Несмотря на несколько нечеткое

³⁰ См.: C. C. Uhlenbeck, Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde, «Anthropos», XXV, 3—4, 1930, стр. 654

³¹ Ср.: E. Sapir, [пец. на кн.:] C. C. Uhlenbeck, Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika, IJAL, I (1917—1920), 1920, стр. 82.

³² См.: E. Sapir, M. Swadesh, American Indian grammatical categories, «Word», 5, 2, 1950, стр. 105.

³³ См. подробнее: C. C. Uhlenbeck, Het identificeerend karakter der possessieve flexie in talen van Noord-Amerika, «Verslagen en mededeelingen der Akademie Amsterdam». Aft. Letterkunde, V, 2, 1917 (русс. перевод: Х. К. Уленбек, Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки, сб. «Эргативная конструкция предложения»); а также: Н. Нойер, Semantic patterns of the Navaho language, стр. 362—363.

³⁴ Х. К. Уленбек, Идентифицирующий характер посессивной флексии..., стр. 207; ср.: С. Д. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, стр. 74—75.

толкование семантики этих форм, предлагаемое автором, нетрудно заметить, что только подобное, а не подлинно посессивное, содержание соответствует семантической детерминанте активного строя.

Любому исследователю языков эргативного строя бросаются в глаза многочисленные точки соприкосновения активного строя с эргативным. Естественно, что они не ускользнули и от внимания пионеров разработки проблематики эргативности. Более того, у последних даже сложилось представление об активности как некоторой вариации эргативного строя, основанной на признаке динамичности — статичности передаваемого действия, а не на его характеристике по переходности — непереходности, как это имеет место в более общем случае. В то же время отдельные авторы, по-видимому, вообще не замечали существенных структурных различий, имеющих между активными и эргативными языками (ср., например, мнение Т. Милевского о различении переходности и непереходности в морфологической структуре глагола таких языков, как дакота, тлингит и атапаскские) ³⁵.

Однако даже элементарное сопоставление принципов, на которых основаны активный и эргативный строй, с достаточной очевидностью показывает, что едва ли возможно прийти к их отождествлению. Фундаментальные расхождения обоих в максимальной степени проявляются уже в тех признаках, которые объединяют эргативный строй с номинативным. Среди этих черт в первую очередь необходимо назвать профилирующую в представителях обоих оппозицию транзитивного и интранзитивного глагола. Другой подобной чертой следует считать использование специфической морфологии (ср., в частности, набор падежей, специально ориентированных на передачу субъектно-объектных отношений), чуждой языкам активного строя. Третьей можно назвать существование в инвентаре членов предложения прямого дополнения. Эти важнейшие структурные параллелизмы эргативного и номинативного строя, по-видимому, предполагают единство стоящей за ними семантической детерминанты языка.

Вместе с тем, нетрудно увидеть, что структурные черты, которые без видимой мотивированности и сильно варьирующими по степени своей полноты наборами разбросаны по различным языкам эргативного строя (а изредка встречаются и в номинативных), в представителях первого образуют взаимосвязанную систему разноуровневых коррелятов, обусловленную доминацией в нем семантического разграничения активного и инактивного начал. Среди этих черт эргативных языков: различение непродуктивных групп так называемых «динамических», «статических» и аффективных глаголов, бинарная классификация (или ее преобразование) имен по признаку активности — инактивности обозначаемых денотатов, функционирование в глаголе двух рядов личных аффиксов, супплетивизм глагольных корней в зависимости от единичности или множественности реальных актантов, оппозиция притяжательных форм органической и неорганической принадлежности, противопоставление инклюзива и эксклюзива в местоимениях 1-го лица мн. числа и мн. др.

Сам факт подобного распределения сопоставляемых черт по языкам способен внушить мысль о преемственных отношениях, которые могут существовать между активным и эргативным строем как целостными системами. При этом направление языковой эволюции с достаточной определенностью может быть подсказано тем обстоятельством, что, разделяя в формальном плане многие явления с активным строем, эргативный уже

³⁵ Ср.: T. Milewski, *La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amérique du Nord*, в кн.: «Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique» («Prace Komisji Orientalistycznej», 7), Kraków, 1967, стр. 82, 83, 90.

приспособлен к передаче отношений, на выражение которых специально ориентирован номинативный строй. В пользу такого предположения свидетельствуют и высокие объяснительные возможности модели активного строя по отношению к эргативному. Так, например, типичная для эргативных языков функциональная «диффузность» абсолютных аффиксов глагола и абсолютного падежа имени (в одних условиях они соотнесены с объектом действия, в других — с его субъектом), поставившая перед теорией эргативности ряд до сих пор не решенных задач, находит свое объяснение как наследие активного строя, специально ориентированного на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами ситуации. В то же время еще в 1934 г., сопоставив основные модели предложения обеих систем, С. Л. Быховская показала более архаический характер активной конструкции по сравнению с эргативной³⁶. Не исключено при этом, что смена семантической детерминанты активного строя на субъектно-объектную и составляет конкретное содержание того изменения «норм сознания», с которым так часто связывалась в прошлом эволюция основных структурных типов языка. Впрочем последовательное обоснование подобной гипотезы уже выходит за рамки задач настоящей статьи.

³⁶ См.: С. Л. Быховская, «Пассивная» конструкция в яфетических языках, «Язык и мышление», II, Л., 1934, стр. 72.
